

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ С ЦЕЛЬЮ РАЗРАБОТКИ ТЕХНОЛОГИЙ НАПРАВЛЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Воронов М.В., Гримблат С.О., Волик О.Ю.

Харьков, Украина

Предлагается модель психического пространства, в котором есть часть, ответственная за физические процессы в теле. Путём моделирования способов воздействия на структуры этого пространства определены эффективные лингвистические приёмы расширения возможностей восстановительных процессов. Предложенная модель открывает перспективы профилактики и лечения ряда психосоматических заболеваний.

Voronov M.V., Grymblat S.O., Volik O.Y.

Kharkov, Ukraine

The model of mental space is offered, in which there is a part responsible for physical processes in a body. By modelling ways of influence on structures of this space the effective linguistic methods enhancement of reparative processes are determined. The offered model opens prospects of preventive maintenance and treatment of a number of diseases.

Рост психосоматических заболеваний, особенно заметный в последнее время, и появление форм, резистентных к терапии, заставляет искать новые возможности влияния на психо-эмоциональные процессы. Отсутствие или снижение их адекватности стремительно меняющимся изменениям среды настоятельно требуют новых подходов.

Практика психотерапии и психокоррекции показывает, что для успешного воздействия на систему убеждений человека предварительно её необходимо разделить на составляющие части. После этого можно приступать к разубеждению в одной из составляющих, а затем – к созданию нового убеждения. Для этой цели нужно найти «место» в психическом пространстве, где расположено убеждение или другая психическая структура. Нам нужен «адрес», чтобы найти, откуда действует структура и адресно на неё повлиять.

Всё живое имеет свойство раздражимости, то есть движения к желаемому объекту и от опасного. Это свойство проявляется даже на уровне рас-

тения. Следовательно в ответ на воздействие внешнего мира растение может совершить выбор действия в пределах «люфта» его возможностей. Минерал таких возможностей не имеет, так как его ответ будет predetermined его свойствами, «программа» его ответов на воздействие более жёсткая. Можно смоделировать внутренний мир растения как некое пространство, в котором «простираются» различные возможности его реакций, скажем, степень раскрытия устьиц листьев. Это пространство – одномерно, так как все возможности реагирования расположены по прямой симметрично от нулевой отметки. Реакция «выбирается» на основе оценки воздействия от точки комфорта в сторону «плохо» или в сторону «хорошо».

В мире животного психическое пространство резко усложняется. К возможности отражения (минерал) и реагирования (растение, от которого животное наследует безусловные рефлексы и их сочетание – инстинкты) добавляется возможность прогнозирования. Для реализации этой возможности животное более дифференцированно оценивает ситуацию, для чего у него появляются психические структуры – эмоции. Именно благодаря наличию эмоций тревоги, печали, страха, гнева и радости животное может оценить всю сложность воздействий и, главное, в результате этой оценки выбрать адекватный ответ. Для прогноза возможного результата ответного действия у животного имеется доступ к собственной (а не только генетической) памяти. Именно собственный опыт (импринтирование, условные рефлексы и научение) позволяют животному резко увеличить количество выборов, «люфт» его возможностей становится очень большим и растёт по мере продвижения животного по эволюционной лестнице.

Психическое пространство животного уже нельзя представить себе линейным. Больше того, у высших животных его нельзя представить себе плоскостным. Наблюдая поведение животного, мы видим, что какие-то его психические структуры становятся в определённых ситуациях доминирующими, а другие уходят, сворачиваются. Создаётся впечатление, что одна из структур становится средой, в которую погружаются остальные. Они не исчезают, но подавляются доминирующей структурой. Это можно наблюдать в естественных условиях, когда страх, приобретенный животным в результате личного опыта, вытесняет инстинкт.

По каким признакам мы судим о том, что психическое пространство человека ещё более усложняется? Проследим за «следами» наличия этого пространства в речи человека. Мы говорим: «Настроение поднялось!» или «Самочувствие упало!». Следовательно, мы передаём ощущение о наличии верха (поднялось) или низа (упало). Анализ речи при депрессивных состояниях говорит о том, что все структуры депрессивной триады (настроение, мышление и способность к движению) регрессируют в пространстве и

времени. Настроение падает, мышление замедляется, двигательная активность снижается.

Второй след мы находим в речи, когда слышим такие выражения как: «Страх охватил меня!» (я, то есть моя психика – внутри страха) или: «У меня появился страх» (он внутри моей психики). Следовательно, у человека есть ощущение относительного пространственного расположения структур его психики в разные моменты жизни. Этих двух примеров доказательство пространственно-временных свойств психики было бы достаточно, если бы проблему не усложняло наличие новой, по сравнению с животными, структуры – сознания. Появление этой структуры не вмещается в шарообразную пространственную модель психики. Возникает необходимость формирования многомерной модели. К этому способны только математики, а мы – психологи и психотерапевты вынуждены редуцировать эту модель до трёхмерной, тем более, что работать нам придется с помощью этой модели с людьми, большинству из которых максимальная математическая идеализация не доступна.

Анализ трансовых текстов показал, что их эффективность резко падает, когда мы применяем запреты (нельзя, невозможно) и обозначаем явления и качества понятиями с приставками “не-“ и “без-“. Исследование этого явления привело к следующим выводам.

Любая система может быть определена различными способами, в том числе наличием или отсутствием в ней элементов, присущих другим системам того же рода (1). Так, человека можно характеризовать как нерешительного, имея в виду **отсутствие** у него качества-умения принимать решение. Того же человека можно характеризовать как сомневающегося, имея в виду **наличие** у него качества-умения сомневаться в правильности (а в случае линейного мышления, единственности) любого решения. При кажущейся тождественности этих характеристик, с нашей точки зрения, имеется существенная разница в способах определения системы.

Восприятие мира с помощью сознания, которое оперирует объектами суждения, или линейно-логическое восприятие – это восприятие дискретное, разорванное, позволяющее установить простейшие связи между изменениями системы и предшествовавшими этим изменениям воздействиями на систему со стороны среды и других систем.

Вместе с тем, возможно понимание того, что мир целен, непрерывен и неделим. Восприятие его дискретным может быть объяснено особенностями сознания человека. Таким образом мы приходим к выводу, что тексты, содержащие отрицания, характеризующие явления отсутствием качеств приходят с уровня сознания. Оттуда же (это уже чисто теоретический вывод) приходят сложные абстрактные понятия, для формирования которых необходимо логическое мышление. Вот почему обращаясь к неосознанно-

му мы не должны применять отрицаний и абстракций, так как они адресованы в другое пространство психики. Когда мы это делаем, то часть пациентов выходят из трансового состояния. Интересную мысль высказал Р.Г.Баранцев о том, что триады, содержащие характеристики отсутствия качества, становятся вырожденными (2).

Для поставленных нами целей следует разобраться во взаимосвязях смысла и слова. По существующей в лингвистике терминологии (структурные лингвисты Ф. Де Соссюр и Бенвенист) (3,4) формальный уровень текста называется «**означающим**», то есть знаковым. Эта та часть знака, которая доступна восприятию (зрению, слуху, осязанию). Можно сказать, что эта часть «текста» (или мысли) принадлежит материальной составляющей человека – его телу (или голосу).

В случае, если преобладает энергия, а энергетикой «текста», по нашему представлению, является «прикреплённая» к нему эмоция, то это те образы, которые воспринимаются сознанием. Это могут быть образы внешнего мира, воспоминания, фантазии, а также образы, возникающие при восприятии «чужого текста» (не существенно, написанного или услышанного). Следует подчеркнуть, что эти образы возникают только при наличии энергии эмоции или чувства, так как именно они «взвешивают» информацию, прежде всего, с позиций «плохо-хорошо». В случае отсутствия энергии поступающая информация не воспринимается как не имеющая ценности. Структурные лингвисты называют этот уровень текста – «**означаемым**». Этот уровень может быть осознан в виде конкретного образа реального мира, образов внутреннего мира (воспоминаний и фантазий) или в виде абстрактного понятия – умозаключения (результатов анализа и синтеза). Таким образом психическое пространство сознания мы делим на образное, абстрактно-логическое и предметно-чувственное. Всё, что находится в этих пространствах может быть осознано и воспроизведено в виде устной (передано голосом) или письменной речи. Качество воспроизведения зависит от чёткости образа, логического вывода и осознания чувства, с одной стороны, и навыков воспроизведения (словарного запаса и умения им пользоваться), с другой. Элементы этого уровня названы специалистами по холодинамике (Вернон Вульф) (5) «мыслеобразами». В них присутствует материальная часть в виде объекта и субъекта, энергетическая часть в виде эмоции (отношения субъекта к объекту) и информационная часть в виде выбора способа действия, направленного на снижение напряжения, вызванного эмоцией. Нам представляется, что этот термин справедлив только в отношении животного уровня. В многомерном психическом мире человека «мыслеобраз» изменяется.

В случае, если преобладает информация, то есть неизмеримо возрастает количество выборов способа действий, эта психическая структура воз-

никает в психическом пространстве неосознанного. Структуральные лингвисты называют этот уровень текста **«реальным»**, а значит, как и реальный мир, никогда полностью не познаваемым.

Как следствие этих рассуждений появляется безумная мысль, что не мы владеем словами, а слово («слово реальное», со всем неизмеримо огромным объёмом и связями) — владеет нами. Иначе, как понять, почему слово «лечит» и оно же «убивает», в чём причина такого мощного воздействия слова на человека.

На пути следования слова в глубины памяти и извлечения его из этих глубин памяти формируются «заслоны», запрещающие «увидеть» и осуществить реакции другого типа. Поверхность системы (рецепторы органов чувств животного) включает реакции «опережающего отражения действительности». Они осуществляются раньше, чем сигнал пройдёт путь до органов управления и назад. Следовательно, память об этих реакциях находится где-то здесь же, на поверхности. Однако генетическая память не может предусмотреть всего разнообразия воздействий среды, и тогда включается глубинная память собственного опыта. Если цель достигнута, то память об этом сигнале (образ), напряжении, его сопровождавшем (эмоция) и способе действия, снявшего напряжения, (выбор, информация) «опускается в недра психики» животного. Если необходимая реакция часто употребляема, то она располагается поблизости от поверхности системы и для её извлечения из памяти времени практически не требуется, к примеру умение ходить, летать, лазать по деревьям.

Что касается редко встречающихся сигналов, то для их извлечения с нужной глубины требуется какое-то время (задержка реакции). В случае, если реакция не достигла цели или сигнал встречается впервые информацию, нужно создать — генерация новой информации с помощью интуиции. Понятно, что её можно создать лишь из тех вариантов возможных действий, которые имеются в распоряжении животного. А «заслоны» на пути извлекаемого мыслеобраза неумолимо направляют его на путь стереотипного ответа. Даже если он был неудачным. А если сигнал встречается впервые, то ищется похожий мыслеобраз, и вновь — стереотипный ответ. Часто мы наблюдаем, что животное может приобретать новые навыки (адаптивные реакции). Это становится возможным благодаря механизмам снятия заслонов (рис. 1).

Интересен клинический опыт проф. Лещенко А.Г., который вводя в малых дозах адреналин при тяжёлых гипертонических кризах (крамола!), наблюдал вначале появление разного рода новых клинических симптомов (подёргивания, онемения, «летучие» боли), а затем давление стойко снижалось. Создаётся впечатление, что под влиянием адреналина снимаются «заслоны», активизируется дофамин, который позволяет отойти от стереотип-

ного решения проблемы. Этим стереотипом является повышение давления. Затем полиморфизм симптомов говорит о том, что ищутся новые пути решения проблемы общего тканевого или органныго гомеостаза, и, в конце концов, находятся. Творчество – это процесс, обратный переходу материального в идеальное. Здесь идеальное – становится материальным, неясный образ материализуется в мысль, затем – в слово и действие. Очень напоминает растение, которое энергию Солнца концентрирует в материю.

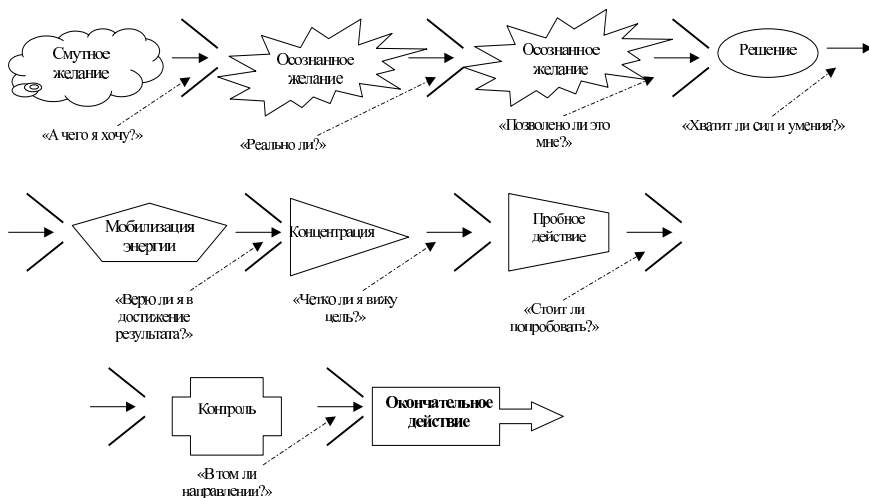

Рис. 1. «Путь «мыслеформы» через «ворота запретов»

На пути своего прохождения от желания до осознания образ кодируется. При этом его сравнивают с другими, похожими и имеющими имена. Код устанавливается на основе уже имеющейся системы кодировки (языка). При этом мыслеобраз теряет значительную часть своей материальной составляющей – отсутствует материальный объект из внешнего мира. Этот объект заменяется индивидуально созданной голографической копией, но в отличие от голограммы в этом образе присутствует энергия эмоции. Именно эта энергия заставляет осознать образ, и в этом случае эмоция становится чувством. В распоряжении этого мыслеобраза в начале процесса осознания имеется огромная информация (множество выборов способа действий по исполнению желания), но по мере «всплытия» мыслеобраза информация теряется, количество выборов суживается за счёт условных рефлексов, им-

принтов, запретов, психотравм детства, вытесненных, но оставшихся актуальными проблем и эмоций.

Рассмотрим, как функционирует эта часть психического пространства (неосознанное) у человека. Судя по всему, таких «заслонов» (запретов действия) у человека становится гораздо больше (согласно Дж.Бьюдженталю (6) – шесть, мы насчитали – восемь). Неосознанное человека содержит вытесненные нежелательные образы действий и мысли, моральные запреты и запреты на «невозможное». В этом случае мы имеем в виду разграничение на уровне неосознанного возможных и невозможных явлений (действий). Этот уровень по определению не может содержать невозможного, так как всё, что мы себе представили, уже в этом мире состоялось, а что можем представить, может состояться. Там – океан потенциалов, в котором причудливо переливаются кристаллы психических структур (мыслеобразов), возникших из отпечатков материального мира и фантастических их сочетаний. Итак, первым этапом сознательного действия является осознание – появляется слово.

С этого момента возможно движение психической структуры двумя путями:

1. Последующие трое «ворот» могут преодолеваться (или нет) только на уровне неосознанного.
2. Тот же процесс может следовать двумя параллельными путями: в сознании (используя полученные в опыте и при обучении знания) и в неосознанном. Как нам кажется, ни при каких обстоятельствах избежать неосознанных «ворот» нельзя.

Возникшее желание «всплывая, на уровень осознания» проходит проверку на реальность. Это означает представление о том, может ли явление состояться в материальном мире. Если да, то мы можем продолжать процесс по его осуществлению, «запрета на невозможное» нет. Если желание фантастично и неосуществимо, то в этом направлении поиск решения не осуществляется. А откуда мы знаем, что осуществить желание невозможно? Часть такого знания даёт нам личный опыт (пробовал и не получалось), но большей частью – это запреты, которые мы получаем из опыта других людей. В самом деле, что значит опыт одного человека в сравнении с опытом множества!

Именно в этом месте психического пространства содержится «фильтр» (ворота), которые устанавливаются каждому человеку в качестве защиты от проникновения в сознание, (а затем и в тело) мыслей (а затем и действий), разрушительных для его психики и тела. Как и в большинстве других случаев, защита, являясь благом при одних обстоятельствах, при – других ста-

новится тормозом, заставляя в нестандартных ситуациях принимать стандартные решения. К сожалению, приходится во многих случаях отмечать, что родители внушают ребёнку запреты и ограничения, не позволяющие ему в дальнейшем принимать адекватные решения. Например, «С такими способностями, как у тебя (или «С такой внешностью, как у тебя») рассчитывать на что-либо приличное не приходится...» Впоследствии такой человек будет говорить: «Я не могу претендовать на...», так как у меня для этого отсутствуют возможности». На вопрос, откуда он знает о своих возможностях, обычный ответ звучит в двух вариантах: либо «Знаю и всё!», либо «Пробовал и не получалось!». Первый вариант прямо говорит о наличии в неосознанном запрета на невозможное. Второй ответ свидетельствует о том, что человек делал попытки преодоления запрета. Однако, слово «пробовать», как и слова «пытаться», «стараться» свидетельствуют скорее об участии в процессе, чем о стремлении добиться цели. «Запреты» и «ограничения» заставляли такого человека мыслить и действовать, испытывая сомнения, которые отбирают энергию у принятого решения и приводят к неудаче.

Достаточно часто для рационального объяснений причины запрета приводятся данные науки. К примеру, «науке известно, что человек может оставаться без воздуха (воды, пищи) такое-то время...», а йоги не имеют этого ограничения – и у них получается то, что наукой не разрешено, то есть закономерно не наблюдается. *По расчетам аэродинамики иметь летать не может, но он, к счастью, не знает об этих расчётах и спокойно летает.* В дальнейшем мы увидим, к каким результатам приводит профессионально проведенное снятие этого запрета.

Итак, в неосознанный уровень человека, кроме запретов животного уровня, требующих стереотипной реакции, с уровня сознания опускаются дополнительные запреты. Именно через сознание, с помощью слова устанавливаются морально-этические нормы, подтверждается индивидуальная или генерализованная возможность или невозможность каких-либо действий. Получается, что безусловные рефлексы, инстинкты, импринты, условные рефлексы, результаты научения, запреты моральные и запреты на невозможное «гонят» нашу идею о возможном действии, как охотники загоняют дичь между суживающимися изгородями прямо к «яме стереотипа». В случае, если эти «изгороди» оставляют большой простор для действий, они играют роль «защит» от возможных саморазрушительных действий, но защиты эти, суживая пространства возможных выборов, становятся кольчужой, полностью сковывающей движения.

Следующим этапом после осознания желания, проверки его на реальность и моральность является включение воли, достаточного напряжения

энергии осознанного желания, необходимого для принятия решения. Здесь возможны несколько вариантов:

- действие без сомнений, основанное на вере – отказ от защит, в этом случае все силы психических структур, идущие на построение защит, служат исполнению решения,
- пробное действие (при наличии сомнений), при этом включается контроль результата пробного действия,
- окончательное действие, если контроль подтвердит правильность выбора.

Следующим обязательным элементом действия является контроль взаимодействия со средой – оправдался ли прогноз, правильный ли был сделан выбор, хватило ли информации. У здорового субъекта неоправдавшийся прогноз вызывает необходимость поиска других путей решения, подключения процесса интуиции.

После принятия решения действовать процесс переходит из психического пространства – в физическое. Именно в нём мобилизуется энергия, концентрируется в направлении цели, делается пробное действие, осуществляется контроль и окончательное действие. Вместе с тем, процесс реализации желания в физическом пространстве (в теле) всё равно проходит под контролем неосознанной части психики. Так, для мобилизации и концентрации энергии в теле, требуются соответствующие управляющие команды. Сегодня мы можем указать на роль отдельных нейротрансмиттеров в передаче этих команд. Сам же «командный пункт» - это особое пространство неосознанного, в составе которого находятся психические структуры, делающие возможным, невозможным или частично возможным действия, направленные на ликвидацию напряжения, вызванного возникшим и неудовлетворённым желанием.

Для целей терапии очень важно установить места этих запретов-«защит» и помочь человеку снять их, если они мешают его адаптации. Анализируя тексты большого числа людей мы обнаружили, что речь чаще всего представляет из себя «власть дискурса», то есть осознанное или неосознанное желание убедить другого человека сделать то, что нужно тебе. Этому дискурсу противостоит желание стереотипа («рабство стереотипа»), то есть желание сохранить всё без изменений. Стоит заметить, что третьей системообразующей составляющей триады общения составляет «свобода молчания». Это соответствует высказыванию древних, что «Учитель учит молча». Признаки того, что дискурс – сознательного уровня, мы привели выше, а признаками дискурса неосознанного уровня являются яркие образные выражения, указания на запреты морального уровня («должен» - «не должен»), генерализации («все», «всегда», «никто», «никогда»), переход к

использованию личного местоимения «Я», частое повторение слова или фразы.

Критерии определения областей психического пространства, из которых «всплывают» слова и выражения

Сознание:

1. Определения с применением характеристик отсутствия качества («бездушный», «нерешительный»).
2. Абстрактные определения.
3. Взгляд со стороны – разговор о себе в 3-м лице или безлично.
4. Запреты на невозможное (наука или медицина доказала...)

Неосознанное:

1. Яркие, чёткие, аффективно (с усилением) описываемые образы.
2. Запреты на антиморальное (нельзя, потому что – неэтично). «Стыдно всё забирать себе!»
3. Запреты на невозможное («Нельзя – все знают – прыгнуть выше себя»).
4. Переход на разговор от первого лица.
5. Трудности «перевода» с неосознанного на язык осознания, порождающие слова и словосочетания (уродцы, «обрубки» и «химеры» - «бабушки-лечебницы»), семантические и грамматические нестыковки, оксимороны - «ужасно люблю».
6. Генерализации («все», «всегда», «всё», «никто», «никогда», «ничто»).
7. «Мусорная логика», или умозаключения с пропущенным средним членом: «Вам плохо – приходите ко мне!» (пропущено – «Я помогу!»).
8. Метафоры, преувеличения (гиперболы), преуменьшения (летоты).

Неосознанное животное пространство (подсознательное): «Я хочу!», даже если «Я хочу дать!»

Неосознанное пространство сверхсознания: «Я даю!», скорее, действие, чем слово.

Основываясь на вышеприведенных критериях, мы провели анализ текстов Кашпировского. Феномен Кашпировского состоит в том, что после его сеансов у некоторых больных происходят изменения в теле (исчезновение келлоидных рубцов, седины, исправление искривлённой носовой перегородки и другие). Сам Кашпировский объясняет эти эффекты влиянием ситуационного гипноза (хотя он упорно заявляет, и это правда, что гипнотических формул внушения он не употребляет). Однако «раскрученный» в течении многих лет «бренд» Кашпировского как мага и волшебника, обстановка на сеансах, его неординарная внешность, предварительный стилистический отбор «уверовавших» в его чудеса пациентов таки создаёт ситуацию массового гипноза.

Вместе с тем, только этим не представляется возможным объяснить наличие эффектов, которые наука не может объяснить. При анализе произносимых Кашпировским текстов обратил на себя внимание тот факт, что он многократно, в разных вариантах адресуется к «уму тела». Например, он говорит: «Я делаю прополку вашего ума». Другими словами, он выделяет в неосознанном пространство, которое «несёт ответственность» за состояние органов, тканей и клеток организма.

Все последующие психолингвистические приёмы он применяет для проникновения в это пространство и расширения в нём пределов возможного. С целью проникновения применяются многие известные приёмы: убаюкивание путём многократного повторения слов, рассредоточения внимания, замешательство (например, он говорит о воскрешении своих пациентов в живых). Кроме того, мы заметили частое использование приёма, когда опускается средний аргумент трёхчленного умозаключения. Например: «Спаси сам себя. Вас может спасти только настоящий бог». Это противоречие может быть снято только так: «Ты – сам себе настоящий бог», но это – не произносится и, родившись в голове пациента, погружается как единственно реальная возможность в его неосознанное. Ещё один пример: «Не сразу давайте отрезать ногу!», пропущено: «а только после того, как пройдёте мои сеансы». И настоящая находка Кашперовского – это многократное перемещение внимания пациента из неосознанного в осознанное и наоборот. Иногда он это делает в одном предложении: «Результат этой работы (осознанное – абстракция) – можно назвать романтично (предсознательное) просветлением ума (неосознанное – метафорический образ)».

Затем он «расчищает» это пространство от запретов моральных, заявляя о возможности создании собственной религии и системы ценностей: «Я сам создал собственную философию (назвать это религией, может быть неправильно, но...)- «но» - снимает запрет, зачёркивая предыдущее утверждение, подразумевается, что вы также можете создать себе собственную религию.

Вот теперь он приступает к основной задаче, многократно снимая запреты на невозможное. Для снятия этого запрета он говорит о своём участии в разработках клонирования, естественно, имея в виду, что это психотерапевтическое участие. Он говорит: «Способности имеет каждый из вас» - снятие запрета неосознанного уровня (генерализация, позитивный образ), «...Железо, золото, серебро – всё есть в вашем организме» – образы неограниченных возможностей. «Ручками делаем парики, зубы, руки, ноги» – образы репарации. «Все лекарства, сделанные человеческими руками, стоят в одном ряду с париками, вставными зубами и протезами. А вот естественные волосы и зубы – это всё может сделать наш организм (– образ регене-

рации). Стоит задача создания внутренних лекарств». Заканчивается сеанс двумя фразами: 1) «Спросите священника, знает ли он такой закон, что защищают кассеты» (пропущено – «только я знаю, а теперь знаете и вы»), 2) «Встреча фундамент, присказка. Сказка – просмотр кассет» (регрессия в детство и привязка к якорю – кассете).

Мы полагаем, что такого рода воздействия дают возможность проявить нестандартные (подавленные) возможности регенерации малодифференцированных клеток соединительной ткани. Именно эта способность к регенерации и лежит в основе эффекта Кашпиrowsкого, она могла бы осуществиться (и у многих осуществляется) и без его воздействия, однако у многих людей на пути этого процесса стоят запреты, сформировавшиеся из «усиленных защит».

Если наша гипотеза подтвердится, то раскрываются фантастические перспективы для стимуляции процессов регенерации в теле, поведении и мышлении путём адресного приведения к адекватным состояниям разного рода защит, вплоть до полного их «снятия».

Полная ликвидация защит может быть осуществлена человеком, поднявшимся до уровня просветления. Он – не защищается от среды, он становится её частью.

Ближайшей своей задачей мы видим разработку трансовых текстов, адресно направляемых в отдельные пространства неосознанного для того, чтобы раздвинуть границы ограничений.

Литература.

1. *Урманцев Ю.А.* Девять плюс один эпюда о системной философии, М. 2001.
2. *Баранцев Р.Г.* Синергетика в современном естествознании, М.: УРСС, 2003.
3. *Ф. Де Соссюр.* Труды по языкознанию, М. 1977.
4. *Бенвенист Ж.* Общая лингвистика, М. 1974.
5. *Вульф Вернон.* Холодинамика, М., 1995.
6. *Бьюдженталь Джеймс.* Искусство психотерапевта, С.-Пб.: «Питер», 2001.